

І. ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА. ВЫП. 5. К 80-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А.Н. ЖЕРАВИНОЙ

УДК 930(092)

Е.Е. Дутчак, В.П. Зиновьев

А.Н. ЖЕРАВИНА: ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Дан биографический очерк и характеристика основных научных интересов известного российского историка – профессора Томского университета Анисы Нурлгаяновны Жеравиной, жизнь и творчество которой отразили все сложности развития российского социума и гуманитарного знания в XX в. Особое внимание уделено особенностям функционирования «научных школ» и роли историка в современной культуре.

Ключевые слова: А.Н. Жеравина, история, Сибирь, Томский университет.

Сегодня, как и столетие назад, история вновь оказалась на перепутье. Глобализацией начато формирование принципиально нового типа связи науки и общества, но в этом процессе классическим дисциплинам о человеке и культуре не отводится сколько-нибудь значительного места. Опасность вытеснения гуманистического дискурса на периферию государственного и общественного интереса уже осознана как социальная проблема, решить которую призваны, в том числе, дискуссии о функциях и роли исторического знания в современном мире [1]. На наш взгляд, их естественным продолжением может стать тема профессиональной деятельности историка – исследователя и преподавателя. Обращение к ней ставит в круг обсуждаемых проблем фактор личности и через биографию ученого дает возможность увидеть логику развития науки о прошлом и понять пути, которые помогут вернуть доверие интеллектуальной деятельности гуманитария.

Университетская наука второй половины XX – начала XXI в. сформировала блестящую плеяду историков, имевших и сохранивших индивидуальный исследовательский почерк. С полным правом к ней можно отнести Анису Нурлгаяновну Жеравину (Нуриманову), отмечающую в 2012 г. восьмидесятилетний юбилей.

Биография башкирской девочки из крестьянской семьи, ставшей одним из авторитетных профессоров Томского университета, созвучна эпохе [2. С. 297–301]. И это не пустые слова. В основных вехах научного пути А.Н. Жеравиной просматриваются как проблемы, решаемые страной вчера и сегодня, так и ценностные ориентиры ее поколения, которые не смогли разрушить распад советской государственности и «культурная революция» постперестроечного периода.

А.Н. Жеравина

В начале 1930-х гг. семья Нуримановых, похоронив десятерых детей, с младшими Хаббабом и Анисой уезжают из голодающего Поволжья в Сибирь. Главная интонация воспоминаний А.Н. Жеравиной о детских годах – благодарность самым разным людям: учителям, соседям, друзьям. С их помощью «сибиряки поневоле», на первых порах даже не владевшие русским языком, смогли обу-

строиться на новом месте, а Аниса – после трагической гибели мамы – прекрасно окончила школу.

Сугубо частные обстоятельства, помещенные в событийный контекст 1930–1940-х гг., открывают в переселении Нуримановых нечто большее, чем цепь совпадений и случайностей. История семьи, понятая как часть истории общества, становится уже поводом для разговора о «биографически детерминированных ситуациях» – физическом и социокультурном окружении человека, которым обуславливаются его статусно-ролевые, морально-идеологические позиции и жизненные цели [3. С. 12–13].

Во-первых, заслуживает внимания сам выбор Сибири в качестве «территории спасения». На многочисленных материалах установлено, что именно такое отношение к региону вызвало во второй половине XIX – начале XX в. добровольные массовые миграции, в составе которых были и народы Поволжья. Сохранение этой практики в годы советской власти убеждает в том, что представления о восточных территориях страны как «крестьянском рае» – месте благополучном, справедливом и вольном – по-прежнему оставались в структуре мотивов мигрантов.

Во-вторых, в семейной истории Нуримановых отчетливо проявляются особенности строительства «Советской Сибири». Прожив несколько лет в одном из сел на Оби, в 1937 г. они переезжают в Новосибирск. Быстрое промышленное развитие города делало его привлекательным не только для комсомольской молодежи из разных областей страны, но и для тех жителей окрестных деревень, которым было сложно принять политику коллективизации и отказаться от веры предков [4]. В годы войны численность города продолжала расти за счет беженцев, эвакуированных вместе с предприятиями рабочих и сосланных «потенциально неблагонадежных» элементов.

Резкое увеличение населения Сибири в 1930–1940-е гг. изменило характеристики регионального социума. В частности, А.Н. Лапшин полагает, что это привело к ассимиляции известного еще с XIX столетия «этнографического типа сибиряка» – его хозяйственного и бытового уклада, языковых особенностей. В итоге им стал считаться всякий житель территории Сибири «вне зависимости от его происхождения, культурной и психологической ментальности» [5]. Если рассматривать сибирское региональное самосознание как некое застывшее образование, то воздействие массового притока вынужденных и добровольных переселенцев, действительно, следует расценивать в дискурсе разрушения. В то же время подход к

территориальной идентичности как к подвижному феномену, а идентификации как к процессу, не имеющему конечной точки, позволяет заметить, что история Сибири есть история постоянных встреч и контактов автохтонных народов – групп старожилов, давно осевших и адаптированных к местным условиям, – и вновь прибывших. Вряд ли будет далеким от истины утверждение, что и прежде региональный социум неоднократно переживал подобный «кризис идентичности», который благополучно завершался формированием нового типа сибиряка [6. С. 700].

Важным представляется другое. Традиция существования в Зауралье разных этносов и конфессий насчитывала к середине XX столетия более чем трехвековую историю, и Новосибирск стал всего лишь одним из многих «плавильных котлов» – сообществом, *привыкшим* к собственной поликультурности и считающим *естественным* помогать людям других национальностей и убеждений. Осмелимся предположить, что именно детским и школьным годам А.Н. Жеравина обязана возникновением интереса к Сибири и уважения к людям, ее населяющим, который в дальнейшем определит ее профессиональную судьбу – быть историком сибирского крестьянства.

Хотя сама А.Н. Жеравина признается в том, что после окончания школы не видела себя исследователем. Она мечтала об учительстве – и потому выбор, в сущности, был связан с определением предмета, а вот здесь и начались трудности. Нравилось все, кроме зоологии: «Всяких червячков с трудом переносила, математику решала хорошо, с удовольствием готовилась к истории. А особенно любила немецкий язык, и преподавательница Ольга Михайловна – депортированная из Поволжья немка – специального готовила меня к поступлению на иняз». Однако мечта учиться в Ленинграде была недостижима – семья нуждалась, и Аниса, под влиянием рассказов школьной пионервожатой о Томском университете, решила отправиться туда и стать студенткой историко-филологического факультета.

Факультет, как самостоятельное подразделение возникший в 1940 г., на рубеже 1940–1950-х гг. переживал настоящий подъем, несмотря на то, что столичные профессора – К.Э. Гриневиц, Ф.А. Хейфец, Э.Н. Ярошевский, А.И. Неусыхин, – немало сделав для факультета, вернулись в свои московские вузы. Зато появились молодые талантливые ученые – А.И. Данилов, А.П. Бородавкин, И.Г. Коломиец, П.В. Копнин, защитили диссертации З.Я. Бояршинова и В.С. Флеров, приехал профессор И.М. Разгон [7. С. 79–81]. У них предстояло учиться А.Н. Жеравиной в 1950–1955 гг.

Одним из ведущих научных направлений факультета стала история политического и хозяйственного освоения Сибири пришлыми и коренными народами. Сегодня кажется, что в этом событии не было ничего знаменательного. Однако не стоит забывать, что история края находилась в тот момент на периферии интереса специалистов: полевые дневники немецких исследователей XVIII в., труды областников рубежа XIX–XX вв. по разным причинам оказывались невостребованными. И все же в 1950-е гг., когда Томский университет и Сибирское отделение АН СССР выступили инициаторами изучения региональной проблематики, момент преемственности был. По мнению К.В. Петрова, сибиреведческие школы, сложившиеся в советский период, могут считаться наследниками дореволюционной науки, поскольку ими сохранены не только «методы, подходы, концепции и принципы решения исторических проблем», но и сам способ передачи научной традиции – от учителя к ученику [8. С. 155].

Современный уровень развития информационных и образовательных технологий объективно создает все меньше условий для реализации подобного рода интеллектуальной связи между поколениями историков. Хотя очевидно, что одним лишь расширением набора компетенций и числа обучающих методик вряд ли можно заменить личность преподавателя и его слово, обращенное к аудитории. Это прекрасно осознавалось наукой прошлого, предпочитавшей определять ученых по тому, «у кого они учились» [9. С. 102].

«Еще на I курсе, – напишет А.Н. Жеравина в своих воспоминаниях, – судьба свела меня с человеком, которому суждено было занять почетное место среди замечательных людей университета и ведущих сибиреведов. Зоя Яковлевна Бояршинова предложила мне тему курсовой работы по истории уйгуров. Но в то время, как оказывается, я не готова была к встрече с большим ученым, по словам академика Н.Н. Покровского, обладавшим научной смелостью и способностью видеть проблематику завтрашней науки. Эти качества Зои Яковлевны я смогла оценить через много лет.

Вторая встреча с ней, уже как с руководителем кандидатской диссертации, произошла осенью 1961 года, через одиннадцать лет после того, как я кое-как справилась с выполнением своей курсовой, перешла на кафедру всеобщей истории, защитила на «отлично» дипломную работу на тему «Шандор Петефи – идейный вождь революционной демократии в Венгерской революции 1848–1849 гг.», проработала в сельской школе.

Главную роль в том, что я оказалась в числе учеников З.Я. Бояршиновой, сыграл И.М. Разгон. Именно он волевым решением определил меня к ней. Не знаю, как она к этому отнеслась, получив, образно говоря, «кота в мешке», но работать со мной согласилась. Ни по какой теме никакого задела у меня в то время не было. И более по желанию З.Я. Бояршиновой я занялась историей сибирского крестьянства, но впоследствии она стала делом всей моей жизни.

В аспирантуре я проучилась всего два года, которые ушли на сбор материала, участие в работе семинара З.Я. Бояршиновой. Какие это были годы! Проблематика спецсеминаров Зои Яковлевны определялась кругом ее широких научных интересов. Она знакомила нас с тогдашним уровнем развития науки. Под ее заботливым и очень требовательным руководством мы и постигали тонкости научного поиска. Зоя Яковлевна всегда чутко реагировала на новое: проблемы социальной психологии, возможности применения ЭВМ в работе историка, современные методы обработки и интерпретации массовых источников.

Благодаря тому, что ведущие ученые страны, специалисты по истории Сибири и России феодальной эпохи с глубоким уважением относились к З.Я. Бояршиновой и охотно откликались на ее приглашения принять участие в томских конференциях, мне посчастливилось познакомиться с В.А. Александровым, А.А. Преображенским, В.И. Корецким, Е.В. Чистяковой, А.Д. Горским, С.О. Шмидтом, Ю.Г. Алексеевым, М.М. Громыко, Н.Н. Покровским, Н.А. Миненко, З.Г. Карпенко, Т.И. Агаповой, Т.С. Мамсик и другими известными российскими исследователями. С некоторыми из них установились на долгие годы теплые дружеские отношения» [10. С. 9–10].

Обратим внимание на важную составляющую воспоминаний – корпорацию историков-«феодалов», куда как специалист по проблемам сибирского варианта феодализма вошла и А.Н. Жеравина. А.Н. Жеравиной защищены диссертации: 1969 г. – «Крестьянское хозяйство в период складывания приписной деревни на Алтае (1747–1797 гг.); 1989 г. – «Приписные крестьяне Колывано-Воскресенских и Нерчинских заводов в 1747–1861 гг. (к проблеме частно-феодалового землевладения на кабинетских землях в Сибири)».

В 1990-е гг. это поколение историков делало не только научный, но и мировоззренческий выбор. Им, воспитанным в убеждении непреходящей научной ценности марксизма-ленинизма, пришлось осознать, что теория общественно-экономических формаций не универсальна, и увидеть,

как более молодые коллеги, стремясь избавиться от «советского наследия», отказываются от термина «феодализм» как научно несостоятельного. Переоценка собственных выводов, сделанных в монографиях, статьях и защищенных диссертациях, не далась легко, но она лишней раз подтвердила истину – итоги развития науки не могут быть объективно оценены без учета того, как и почему изменяется сам исследователь. Видимо, психологический опыт саморевизии можно назвать главным приобретением гуманитариев, чья профессиональная деятельность пришлось на диаметрально противоположные социальные эпохи и даже осуществлялась в разных государствах – СССР, СНГ и Российской Федерации.

Естественным результатом этих процессов стала эволюция «старых» (томской и новосибирской) школ по изучению истории Сибири «в направлении роста интереса к решению проблем общероссийской истории и в сторону заимствования новых исследовательских парадигм» [8. С. 154].

Историкам науки хорошо известна ситуация, когда освоенные в ходе решения новых задач аналитические методики, начинают рассматриваться исследователем как инструмент для работы с «прежним» материалом. Именно об особенностях интеллектуального творчества ученого, вернувшегося к традиционным для себя темам, на наш взгляд, свидетельствует понимание перспектив науки Анри Пуанкаре. Так, на вопрос о том, насколько разнообразной ему видится математика XX в., он ответил, что это несущественно – гораздо интереснее то, что подвергнется редактированию, но при этом останется и будет восприниматься как главное [11. С. 8].

Очередной виток обращения к «феодальной проблематике» в отечественной исторической науке приходится на последнее десятилетие [12]. Можно говорить, как минимум, о двух факторах, приведших к ее реабилитации. Во-первых, ушло прямое отождествление термина с трудами классиков марксизма, и стало очевидно, что феодализм, являясь понятием из области макроистории, не позволяет подменить выявление общих закономерностей поисками отдельных, пусть даже очень значимых, фактов. Во-вторых, обнаружилось, что исследование ментальности или духовной культуры само по себе не дает комплексного представления о доиндустриальной эпохе – экономическая составляющая оказалась принципиально важной для установления ее своеобразия. Результатом стала ситуация, которая вслед за Т. Куном может быть названа «обнаружение новых явлений без разрушения старой парадигмы»

[13]. Так, отказавшись от попыток создать на материалах отечественной истории целостную модель феодальной формации, исследователи обратились к изучению «феодальных отношений» как одного из элементов социальной структуры.

Для А.Н. Жеравиной смена парадигм общественного развития не стала трагедией. Она не идеализировала советскую действительность, новые времена восприняла также без розовых очков. Чему была рада, так это новым возможностям для исследования истории. «Перетряхивать» научный багаж и в чем-то каяться ей не было надобности. От своего учителя З.Я. Бояршиновой Аниса Нурлгаяновна унаследовала позитивистский подход к анализу исторического материала. Это проявляется, прежде всего, в самой серьезной работе с источниками, в уважении к документу. Факт был и остается господином в сочинениях А.Н. Жеравиной, как и в трудах З.Я. Бояршиновой и С.В. Бахрушина. Не поспешила А.Н. Жеравина расстаться с марксизмом и формационным анализом истории, восприняв иные подходы и методы. Сказанное можно подтвердить анализом трудов Анисы Нурлгаяновны за последние 20 лет. Она опубликовала более 50 научных работ, в том числе 3 монографии на разные темы. Ее научные интересы можно сгруппировать в четыре направления – кабинетское хозяйство, жизнь дореволюционного Томска, история печати, история российской культуры. А.Н. Жеравина не пересматривала прежние свои взгляды и исторические представления, она их уточняла и дополняла фундаментальными трудами.

В монографии «Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.)» (Томск: Издательство Томского университета, 2005, 324 с.) она показала уникальность этого феномена, обусловленного наличием в одном месте рудных месторождений, лесных ресурсов и рабочей силы в виде приписных крестьян, привлекаемых на Алтай и в Забайкалье вполне сносными, по российским понятиям, условиями для земледелия. Ее вывод о том, что кабинетское хозяйство было источником финансовой самостоятельности Дома Романовых, одной из стержневых опор самодержавия, имеет важное значение для анализа истории российской государственности.

Ряд статей А.Н. Жеравина посвятила истории повседневности томичей, истории культурных и учебных учреждений, истории сибирской печати. Эти направления ее научных интересов нашли отражение в монографии «Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати)». (Томск: Издательство Томского университета, 2010. 402 с.).

Характерная черта научных трудов А.Н. Жеравиной – насыщенность фактическим материалом. «Бесценным лично для меня, – говорит А.Н. Жеравина, – по сей день остается совет Зои Яковлевны – при сборе архивного материала не бывает мелочей. Я не сразу его оценила и только со временем поняла, как можно соединить разрозненные факты в целостную картину жизни крестьян приписной деревни» [10. С. 10].

Исходный эмпиризм исторического познания сегодня оценивается двояко. С одной стороны, вызывает критику узкая специализация историков и, как следствие, растущее число исследований по частным вопросам. Это объективно снижает объясняющие способности гуманитарного знания и ведет к утрате исторической наукой одной из своих главных функций – хранение и систематизация памяти общества о самом себе. С другой стороны, осознается, что совершенствование методик ретроспективного анализа возможно лишь при работе с конкретными сюжетами. Непонимание этой особенности исторического исследования неизбежно отразится на качестве «научной продукции» гуманитария и создаст условия для сомнений в познаваемости прошлого.

Противоречивость оценок и прогнозов не случайна. Она стала закономерным итогом дискредитации формационной теории в 1990-е гг., лишившей постсоветскую науку системного начала. Условия методологического вакуума, в сущности, оставляли два выхода: используя знакомые позитивистские технологии анализа, продолжить изучение отдельных сторон исторической реальности или путем заимствования концепций зарубежных коллег попытаться вернуть утраченную целостность собственным реконструкциям. Сегодня понятно, что ни один из них не стал панацеей. Однако хотя спор историков-«конкретчиков» и «теоретиков» о смысле историописания зашел в тупик, его колоссальное значение проявляется только сейчас, в том числе – в возросшем в последние годы интересе к работам исследователей, чья деятельность пришлась на советский период.

«В истории я всегда была робкой», – говорит о себе А.Н. Жеравина. Заметим, что схожие признания вообще характерны для большинства ученых ее поколения, умеющих скрупулезно анализировать источник и не считающих себя вправе претендовать на крупные обобщения. Поэтому, избрав для себя первый путь, они одновременно стали самыми вдумчивыми и внимательными читателями работ по теории и методике исторического исследования. В результате, их колоссальный

опыт и знание конкретного материала сделали их самих экспертами в области корректной проверки предлагаемых коллегами гипотез. Появление негласной экспертизы стало своего рода ментальным основанием для складывания нового типа исторического мышления – более динамичного, восприимчивого к нюансам социальной реальности и одновременно ориентированного на расширение методик анализа исторического источника [14]

Эти изменения затронули и институт «научной школы» – неформального образования, призванного поддерживать профессиональные стандарты. Еще недавно подобные неформальные образования принято было определять как многопоколенные исследовательские коллективы, объединенные общими научными авторитетами, проблематикой и используемыми подходами. Однако сегодня их структура заметно изменилась и приобрела свойства, диктуемые современным этапом развития знания. Они начинают действовать как открытые, динамичные и сложно эволюционирующие системы, в которых ученики не обязательно продолжают изучение тем своих учителей. Скорее, их связывает общее представление о потенциальных «точках роста» науки.

В этом смысле «школа» А.Н. Жеравиной – это, прежде всего, школа отношения к историческому источнику. Всех ее учеников, среди которых есть специалисты в самых разных областях – от истории раскола русской православной церкви до культуры Серебряного века, – объединяет интерес к информационным возможностям исторических источников и адекватным способам интерпретации целей и ценностей их создателей. А.Н. Жеравина всегда поддерживает научный поиск своих учеников. Помогает им, защищает их и растет вместе с ними как исследователь и педагог. В этом секрет ее творческого долголетия и неиссякаемого интереса к истории России.

Очерк научного творчества А.Н. Жеравиной дает ответ на вопрос о роли историка в современной культуре. На наш взгляд, в настоящее время она заключается в умении анализировать общественные взаимодействия и объяснять механизмы групповой, национальной или общегражданской консолидации. В таком ракурсе равное значение приобретают не только стены классического университета в прямом смысле, но и люди, формирующие и научное и образовательное пространство. Их идейные установки, нравственные ценности, способы рефлексии, переданные ученикам, перестают быть только личными характеристиками и становятся социальным феноменом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кребс Х.* Роль наук о культуре в XXI веке (Текст выступления на заседании Ученого Совета РГГУ 25 февраля 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iek.edu.ru/news/n030225.htm>
2. *Жеравина А.Н.* // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 4, ч. 1. С. 297–301.
3. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 12–13.
4. *Красильникова Е.И.* Жизнь в городе-акселерате: обеспечение потребностей новосибирцев в межвоенное время (конец 1919 – первая половина 1941 г.). Новосибирск, 2008. 254 с.
5. *Лапишин А.Н.* Эволюция сибирской идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://w2.psu.ac.kr/~korsib21/nonmun/04_7/04_7_3.pdf
6. *Зиновьев В.П.* Сибирь // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. Т. 2: НЯ. М.: РОССПЭН, 2009. С. 700.
7. *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 79–81.
8. *Петров К.В.* Исследовательские школы по изучению истории Зауралья феодального периода: современное состояние // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. статей, посвященный 70-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2008.
9. *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М., 2000. С. 102.
10. *Жизнь и судьба: К юбилею Анисы Нурлгаяновны Жеравиной.* Томск, 2008. С. 9–10.
11. *Знание о прошлом в современной культуре (материалы «круглого стола»)* // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 8.
12. *Феодализм перед судом историков: круглый стол* // Одиссей. Человек в истории. 2006. М., 2006. С. 5–200.
13. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975. С. 126–127.
14. *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4. С. 3–22.